ЕЛЕНА ЛАДИНА

РОВНО ПОЛОВИНА СВЕТА

Елена Ладина

Ровно половина света

«Автор»
2026

Ладина Е.

Ровно половина света / Е. Ладина — «Автор», 2026

За двенадцать лет Таисия и Роман научились снимать чужое счастье почти без слов. Теперь их брак закончился, а в общем календаре остались три свадьбы. Нельзя отменить бабушкин портрет, перенести чужой праздник или сказать клиентам, что у фотографа сегодня нет сил.Таисия хочет работать под своим именем и наконец перестать уступать. Но на одной из свадеб её собственные слова причиняют боль людям, которые ни в чём не виноваты. А накануне последней съёмки приходится выбирать между обещанным себе отдыхом и помощью бывшему мужу.Как разделить камеры, долги и восемь лет общей работы, не вычеркнув всё хорошее?

© Ладина Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Перед выездом 5
Глава 2. Утреннее окно 8
Глава 3. Человек у края 11
Глава 4. Неснятое 14
Глава 5. После праздника 17
Глава 6. Стена для чужих лиц 20
Глава 7. Второй раз не бывает первого 25
Глава 8. Дата в календаре 30
Глава 9. Не ваш фон 33
Глава 10. Свободная дата 38
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Елена Ладина
Ровно половина света

Глава 1. Перед выездом

Кольцо зацепилось за костяшку, и Таисия поднесла руку под холодную воду. Из кухонного окна было видно, как Роман перекладывал кофры в багажнике. Он ставил их каждый раз одинаково: штатив вдоль спинки, длинная сумка справа, чёрный рюкзак сверху. Раньше она любила смотреть, как он собирается, пока сама допивала кофе у окна. Теперь смотрела с четвёртого этажа и ждала, когда он поднимет голову, чтобы отойти от окна.

Вода затекла под рукав. Таисия вытерла запястье, снова потянула кольцо и на этот раз сняла. Под ним осталось светлое влажное место. Она надавила на него большим пальцем, словно проверяла, скоро ли сравняется кожа, потом завернула кольцо в угол салфетки и положила в маленькую жестяную коробку из-под леденцов. В коробке лежали запасные винты от штативной площадки, чужая заколка и ключ, замок для которого они так и не вспомнили.

Роман позвонил в домофон, хотя ключи у него были.

— Сейчас, — сказала она в трубку.

— Я за батареями.

Она нажала кнопку. На столе рядом с зарядным устройством были разложены четыре аккумулятора и два комплекта пальчиковых батареек для вспышек. Вчера вечером она проверила всё дважды, проставила на пакетиках зелёные точки. Пока он поднимался, убрала коробку в ящик с квитанциями. За последние недели она научилась прятать вещи так, чтобы потом самой помнить, куда они делись. До апреля этим заведовал он: паспорта в синей папке, автомобильные документы в прихожей, чеки на технику в студии. Его порядок всё ещё сохранялся, хотя по утрам он больше не искал в этой кухне чистую чашку.

Роман вошёл без куртки. На тёмной рубашке под мышками уже выступили влажные полукружья: двадцать пятое мая выдалось жарким. Он кивнул, увидел батареи и потянулся к ним, но она придержала его руку.

— Это для вспышек. Твои слева.

— Вижу.

Он не видел. Если бы она промолчала, пришлось бы возвращаться или искать комплект по дороге. Промолчать хотелось так сильно, что она испугалась не его возможной злости, а собственного разочарования: не вышло.

— У тебя кофе есть? — спросил он.

— В банке.

Роман поставил чайник и открыл шкафчик над мойкой. Его кружка с трещиной у ручки стояла на прежнем месте. Он налил в неё кипяток, не спросив, почему она не выбросила кружку. Таисия отвернулась к рюкзаку и стала проверять карты памяти. Обе чистые карты были уже в камере. Запасные лежали в плоском футляре на молнии. Никакой дополнительной проверки не требовалось.

— У Ани сегодня бабушка, — сказал Роман. — До пяти. Она ещё вчера написала.

— Я видела.

— Ты в общий чат не ответила.

— Ответила ей лично.

Он сделал глоток и поморщился. Кофе был без сахара; дома у Антона, где Роман пока жил, он, вероятно, уже привык к другому. Таисия поймала себя на том, что достраивает чужую кухню, которой не видела: место у плиты, банки на полке, полотенце на дверце. Ей хотелось

знать, как он вставал там, чем вытирал лицо, говорил ли другу, что вернётся домой. Но спрашивать она не собиралась.

— Давай хотя бы на свадьбе не будем так, — сказал он.

— Как?

— Через разные чаты.

Она подняла камеру, чтобы проверить ремень. Крепление держалось.

— Всё, что касается съёмки, я продублирую.

— Это и касается съёмки.

Роман поставил кружку в мойку. Он смотрел на её руки, и Таисия поняла, что опоздала: надо было убрать их в карманы, заняться пряжкой, взять что-нибудь большое. Потом разозлилась на себя. Она сняла кольцо не для того, чтобы скрывать его отсутствие.

— Где оно? — спросил Роман.

— Дома.

— Тась.

— Дома, Ром. Не потеряла.

Он стоял между столом и дверью, и ей пришлось попросить его подвинуться. Только тогда он отступил, пропуская её к прихожей.

— Сегодня можно надеть? На один день.

Таисия поставила рюкзак на пол.

— Нет.

— Ты же понимаешь, зачем я прошу.

Она понимала слишком хорошо. В закреплённом сообщении их рабочей страницы они стояли спиной к вечернему окну, Роман обнимал её за плечи, а её левая ладонь лежала у него на груди. Под фотографией было написано: «Двенадцать лет вместе. Мы умеем видеть любовь». Он придумал эту строку в январе, когда они обновляли цены. Таисия тогда сказала, что фраза ей не нравится. Он спросил, как лучше, а она не нашлась и ушла готовить ужин. На следующий день фраза уже стояла под снимком. Теперь это молчание представлялось ему её согласием — таким же, как многие другие молчания за двенадцать лет.

— Мы договорились закончить заказы, — сказала она. — Про кольца не договаривались.

— Люди выбрали нас как пару.

— Они выбрали фотографии и видео.

— Ты сама знаешь, что не только.

Он не повышал голос. От этого ей было труднее: повышенный голос позволил бы хлопнуть дверью и считать разговор законченным. Вместо этого приходилось стоять в узкой прихожей, где его куртки уже не было, но висела его старая зимняя шапка, и объяснять вещь, которая казалась ей совершенно ясной.

— Если Аня спросит, где кольцо, я отвечу, что сняла его. Больше я ничего ей рассказывать не буду.

— Она не спросит. Люди не спрашивают. Они смотрят и делают выводы.

Таисия вспомнила вчерашний звонок Анны: та говорила тихо, потому что жених уснул на диване, а сама никак не могла лечь. Спрашивала, будут ли видны на фотографиях красные пятна у неё на шее. Таисия объясняла про макияж, про свет, про то, что не нужно заранее ненавидеть свои снимки. Больше всего хотелось сказать сейчас: вот чем она занимается перед свадьбой, вот о чём думает, а не о чужом браке. Но Роман мог ответить, что это и есть причина не добавлять ей забот. Он всегда умел поставить полезное для себя рядом с заботой о других так близко, что разделить их удавалось только позднее.

Она наклонилась за рюкзаком.

— Поехали. Нам ещё заехать в студию за стойкой.

На лестнице пахло мокрым цементом: соседи меняли плитку на площадке. Роман понёс рюкзак, хотя она не просила. На втором этаже Таисия догнала его и взяла верхнюю ручку. Несколько секунд они держали её вдвоём. Потом он отпустил.

В машине у её сиденья лежала пачка салфеток и маленькая бутылка воды. Она всегда просила покупать воду без газа; он покупал с газом, потому что сам пил такую. Сегодня бутылка была без газа. Таисия поставила её в дверной карман и пристегнулась.

У студии их ждала помощница Нина. В этом сезоне они позвали её впервые: Нина недавно закончила учёбу, умела быстро менять свет и не лезла в кадр с телефоном. Она открыла заднюю дверцу, придвинула стойку, чтобы не задеть машину, и посмотрела на Таисию.

— Доброе утро. Вы сегодня прямо от дома?

— Да, — сказал Роман одновременно с Таисиным «Заезжали».

Нина замерла, потом наклонилась закреплять стойку ремнём. Таисия увидела, как девушка переводит взгляд на их руки. Это произошло почти незаметно: взгляд, движение к застёжке, новая попытка затянуть ремень. Роман, стоявший с другой стороны открытого багажника, тоже заметил. Он не сказал ни слова, но Таисия знала, что вечером услышит про это молчание.

— Нин, сегодня я на сборах у Ани, — сказала она. — Ты со мной. Роман сначала к Павлу, потом встречаемся у площадки.

— А вчера было, что я с Романом до выезда.

Таисия посмотрела на мужа.

— Мне нужен человек на отражатель. Мы же обсудили.

— У Паши тесно. Надо быстро выставить свет, — сказал он. — Я думал, ты сама справишься. Там окно большое.

Нина держала в руке конец ремня и явно хотела оказаться в машине. Таисия перестала смотреть на Романа. Окно большое. Она действительно справится. Сама она справлялась почти всегда, и именно поэтому договорённости можно было менять, не спрашивая её.

— Тогда со мной после одиннадцати, — сказала она Нине. — До этого помоги Роману. Список семейных кадров у тебя открыт?

— Да. Я распечатала тоже.

— Хорошо. Бабушка уезжает рано. Её не забыть.

Нина кивнула. Роман закрыл багажник и пошёл к водительской двери.

Пока они выезжали со двора, Таисия открыла на телефоне сообщение от Анны. На снимке лежали две пары туфель: белые на тонком каблуке и простые бежевые балетки. «Какие лучше взять на прогулку?» — спрашивала невеста. Таисия написала, чтобы взяла обе, и добавила, что будет через двадцать минут.

Свет из бокового окна лёг на её левую руку. Без кольца пальцы казались чужими только тогда, когда она специально на них смотрела. Она убрала телефон и стала мысленно проходить сегодняшний маршрут: квартира Анны, сборы, встреча, церемония, родители, бабушка, ужин. Это были чужие люди, которым она пока ничем не обязана была объяснять свою жизнь. Зато должна была хорошо запомнить их лица.

Глава 2. Утреннее окно

Анна открыла дверь в халате и сразу отступила, пропуская Таисию между коробками. Коробки стояли вдоль стены: в одной туфли, в другой свечи, третью закрывали два пакета с чем-то мягким. На кухне мать невесты резала яблоки и каждую дольку опускала в чашку с водой. Из комнаты доносился ровный шум фена.

— Только не снимайте здесь, пожалуйста, — сказала Анна, заметив Таисин взгляд. — Мы вчера до ночи собирали.

— Сейчас уберём из кадра всё лишнее.

Эта фраза была привычной, и Таисия произнесла её без усилия. Она поставила рюкзак возле обувной полки, сняла кроссовки и прошла к окну. Комната оказалась не такой, как на фотографиях, которые Анна присылала зимой. Шкаф придвинули к балконной двери, у изголовья кровати появился комод, над ним висела новая полка. Чтобы поставить невесту к свету, нужно было убрать сушилку и развоpотить полкомнаты.

— Папа поможет, — предложила Анна.

Из ванной вышел мужчина в расстёгнутой рубашке, с бритвенной пеной у уха.

— Что нужно?

Таисия попросила подвинуть сушилку и одно кресло. Мужчина неловко поднял кресло за подлокотники; она подхватила снизу, и вместе они перенесли его в коридор. Он пыхтел, стараясь не задеть рубашкой мокрые полотенца, а Анна следила, чтобы с кресла не упал чехол с платьем. Комната постепенно освобождалась, но никто не становился спокойнее.

— Можно я сперва вас сниму, пока визажист не закончил? — спросила Таисия. — Просто как есть. Вам не нужно на меня смотреть.

Анна остановилась посреди комнаты.

— Без макияжа?

— Половина уже готова. И вы сейчас другая, чем будете через час.

Таисия не стала объяснять, чем это хорошо. Встала сбоку от окна и подняла камеру. Анна села на край кровати, потом всё-таки посмотрела прямо в объектив. На её лице было слишком старательное выражение, которое Таисия узнавала у людей, привыкших плохо получаться: не дай случиться лицу, не шевелись, не испорти.

— У вас платье с пуговицами? — спросила она.

Анна повернулась к чехлу.

— На спине. Много. Мама вчера тренировалась.

Таисия сделала несколько кадров, пока Анна показывала, где заканчивается ряд пуговиц и почему молния сбоку всё равно нужна. Руки невесты перестали лежать ровно, плечи опустились. Визажист позвал её обратно в кресло, и Таисия успела снять, как отец у двери поправил ей пояс халата, чтобы длинный конец не попал под ноги.

Мать принесла яблоки, но есть никто не стал. Она несколько раз переставляла чашку, находя ей место вне кадра, пока Таисия не попросила оставить на тумбочке.

— На фотографиях будет бардак, — возразила женщина.

— Не будет. Аня может захотеть есть.

Анна посмотрела на мать через зеркало.

— Я уже хочу.

Женщина подала ей дольку. Визажист на секунду отвёл кисть. Таисия сняла это тоже — не потому, что кадр обещал стать лучшим, а потому, что увидела расслабившийся рот Анны, пока та жевала. В этом утре было слишком много приготовления к красоте и почти не оставалось места самой девушке.

Телефон завибрировал в кармане брюк. Роман прислал голосовое: «Тась, у нас тут ещё сосед пришёл, Паша просит снять с ним. Я немного позже. Ты там придумай пока что-нибудь». Она не включила звук, прочла расшифровку и ответила: «К двенадцати выход. У Анны платье сейчас». Он поставил значок поднятого большого пальца.

Снять застёгивание платья ей пришлось одной. Анна стояла у окна, мать ловила маленькие петли, отец держал занавеску, чтобы она не цепляла причёску. Таисия успела сделать общий кадр и крупный план рук. Хотелось ещё снять отца, который смотрел поверх плеча жены, но он заметил камеру и отвернулся. Она не стала возвращать его на место. Иногда человек отворачивался потому, что не хотел оказаться в чужом альбоме со своим лицом, и это тоже следовало учитывать.

Когда платье было застёгнуто, Анна прошла к зеркалу. Мать сразу потянулась поправлять ткань на бедре, но дочь взяла её за запястье.

— Мам, подожди.

Они обе замолчали. Таисия смотрела в видоискатель и видела не платье, а руку, которую Анна всё ещё не отпускала. Не удерживала, не отталкивала — просто держала, пока смотрела на себя. Через несколько секунд мать прижалась щекой к её плечу. Таисия сделала кадр и опустила камеру.

У Романа был любимый приём: просить матерей отвернуться, потом сказать невесте, чтобы она тихо позвала маму. Они получали поворот, объятие, слёзы, иногда всё сразу. Он говорил, что без просьбы люди не позволяют себе чувствовать. Таисия соглашалась, потому что такие кадры покупали. Сейчас ей захотелось, чтобы он увидел эти несколько секунд и ничего не сказал.

Вместо него в квартиру приехала Нина. Она запыхалась, поднявшись пешком, и извинилась:

— Лифт кто-то держит. Роман сказал, у вас всё готово.

— Почти. Возьми, пожалуйста, рюкзак. И коробку с балетками — там, у двери.

Они спустились в два захода. У подъезда Анна вдруг вспомнила про маленький букет для бабушки. Мать всплеснула руками, отец полез за ключами. Нина уже бежала обратно, когда Таисия остановила её:

— Не надо всем. Я поднимусь.

В пустой квартире было прохладно. На тумбочке осталась чашка с яблоками. Таисия нашла букет в раковине: пять бледных гвоздик, перевязанных лентой. Анна рассказывала про него на встрече. Бабушка выращивала гвоздики на даче и не любила розы; в основном букете роз было много, поэтому ей заказали отдельный.

Таисия обернула мокрые стебли бумажным полотенцем и пошла к выходу. В зеркале прихожей мелькнуло её лицо: не накрашенное, собранное, с красной полосой от ремня на шее. Она на секунду остановилась. Раньше ей нравилось это рабочее лицо. На нём не было ничего, что нужно было бы объяснять.

Внизу Роман снимал Анну возле машины. Он дал ей букет, попросил пройти три шага, потом вернуться. Таисия подождала, пока он опустит камеру.

— Это бабушке, — сказала она, протягивая свёрток матери невесты.

— Ой, спасибо. Я бы себе не простила.

— Положите в салон, не в багажник.

Роман посмотрел на часы.

— Всё? Едем? Мы задержались уже на двадцать минут.

Таисия почувствовала, как у неё свело челюсть. В его фразе не было обвинения, если слышать её впервые. Если не знать, откуда взялись двадцать минут, можно было просто кивнуть.

Она подошла к нему так близко, чтобы Анна не слышала.

— Ты приехал позже, чем договорились.

— Я не спорю. Поэтому и говорю, что надо ехать.

— Нина была нужна мне утром.

Он вздохнул, не глядя на неё.

— Тась, сейчас?

Сейчас было единственным временем, в котором происходила их жизнь. Вечером они уставали. На следующий день он говорил, что всё уже прошло. Через неделю она слышала, что всегда помнит только плохое. Таисия открыла рот, но увидела за его плечом Анну. Невеста стояла у открытой дверцы, придерживая платье, и ждала, пока они договорят.

— Потом, — сказала Таисия.

Она села рядом с Ниной во вторую машину, за рулём которой был брат Павла. Роман повёз жениха и невесту на своей: об этом договорились заранее, когда стало ясно, что все гости по машинам не помещаются. Таисия опустила окно на несколько сантиметров, чтобы не слышать, как Нина застёгивает и расстёгивает маленькую сумку на коленях.

— Можно вопрос? — наконец сказала девушка.

— Про работу?

Нина кивнула.

— Мне сегодня чьи указания сначала выполнять? Если одновременно.

Таисия повернула к ней голову. Нина смотрела прямо, без любопытства, которого Таисия так боялась возле студии. Она спрашивала только то, что ей было необходимо знать.

— Список общих кадров веду я, — сказала Таисия после паузы. — Свет для видео — Роман. Если он забирает тебя, когда ты со мной, пусть сначала скажет мне. Я ему напишу.

— Хорошо.

Нина достала из сумки сложенный лист, развернула на коленях и провела пальцем по строчкам. У неё был аккуратный маленький почерк; возле каждой фамилии стоял пустой квадрат. Таисия подумала, что нужно будет заплатить ей за лишний час. Потом достала телефон и написала Роману о порядке работы. Сообщение осталось непрочитанным до самой площадки.

Глава 3. Человек у края

На площадке ветер сдвигал белую ткань на арке, и каждый раз в кадре открывалась металлическая скоба. Таисия попросила администратора закрепить край. Пока тот искал стремянку, она сняла пустые стулья, маленькие карточки на сиденьях первого ряда и гвоздики, которые мать Анны поставила в стакан за служебной дверью. Стакан был с крупным красным логотипом. В альбоме его, конечно, не будет, зато цветы доживут до вручения.

Бабушка приехала с младшей сестрой Анны. Её звали Зоя Петровна; на предварительной встрече Анна несколько раз повторила это имя, хотя Таисия уже записала. Невысокая женщина вышла из машины сама, но до площадки шла под руку с внучкой. На светлом жакете у неё была круглая брошь, которую она всё время поправляла двумя пальцами.

— Вы Зоя Петровна? — спросила Таисия, подойдя.

— А вы фотограф?

— Да, Таисия. Аня просила обязательно снять вас вместе.

— Меня только без этого, — Зоя Петровна кивнула на трость. — Если можно.

— Можно. Мы сядем после церемонии, вам не придётся долго стоять.

Женщина посмотрела на ряд стульев, потом на траву возле арки.

— Я постою. Я пока стою.

Таисия поняла, что сказала не то. Она хотела помочь, а получилось, будто заранее отвела Зое Петровне место, с которого ту только и можно было снимать. Анна подбежала к бабушке, приподнимая платье. Они обнялись, и Таисия успела сделать несколько снимков. У Зои Петровны были закрыты глаза; на одном кадре её лицо заслоняла причёска внучки. Нужного портрета не получилось, но это ещё не было проблемой. Впереди оставался весь день.

Церемонию начали позже. Павел долго не мог найти коробочку с кольцами, потом выяснилось, что она у свидетеля, который помогал заносить напитки. Пока ждали, Роман пришёл к Таисии и показал на её место.

— Я отсюда проход возьму.

— Мы же вчера расставили. У меня отсюда лицо Ани.

— Я на пять минут.

— Если ты встанешь здесь, я тебя не обойду.

Он оглянулся на гостей. Кто-то уже поднял телефон. Роман говорил тихо, наклонившись к ней, и издали они, наверное, выглядели как опытная пара, обсуждающая мелкую рабочую хитрость.

— Там солнце бьёт. У меня лица проваливаются.

— Ты видел площадку. Мы приезжали.

— Мы приезжали в другое время.

В другое время приехать предложил он. Таисия помнила, что сказала тогда про положение солнца. Помнила его «на месте разберёмся». Вдруг ей стало важно, чтобы он тоже это помнил. Она перестала видеть гостей и арку, белую скобу, которую наконец прикрыли тканью. Перед ней стоял муж, снова просивший подвинуться, потому что ему так было удобнее.

— Встань справа, — сказала она. — Я останусь здесь.

— Тась, не делай назло.

Она отвернулась к камере. Роман постоял секунду и ушёл. Потом Таисия увидела, как он ставит Нину справа от прохода с небольшим отражателем. Девушка посмотрела на неё; Таисия кивнула, хотя в этот момент хотела, чтобы Нина подошла и встала рядом с ней, просто встала на её сторону.

Заиграла музыка. Павел у арки попытался застегнуть пиджак, передумал и оставил расстёгнутым. Анна вышла под руку с отцом. На лице отца было то самое выражение, которое он

прятал утром, и Таисия сняла его, не задавая никаких вопросов. Потом Анна увидела Павла и улыбнулась так, что никакой утренней старательности не осталось.

Таисия работала. Наклонялась, отходила, ловила ладонь Павла на спине невесты, лицо матери, букет, который Анна передала сестре. Несколько раз Роман оказался у неё в кадре. Она отбирала другие углы, не глядя на него. Во время обмена кольцами он шагнул вперёд и закрыл ей левую руку Анны. Таисия успела сместиться, но кадр вышел тесным, без Павлова лица. Она сделала ещё один, когда они уже стояли рядом, и знала, что в альбоме это не будет заметно. От этого злость не уменьшилась.

После поздравлений гости обступили молодых. Началась обычная путаница: кому отдать цветы, где вода, кто в какой машине оставил подарок. Таисия сняла несколько общих кадров и попросила родителей остаться у арки. Нина держала лист со списком. До семейного снимка с бабушкой оставалось две строчки.

Роман подошёл к Нине.

— Пойдём быстро поздравление запишем. Там тихо сейчас.

— Мы семьи снимаем, — сказала Таисия.

— Пять минут. Пока музыку не включили.

— Ром, я тебе написала.

— Я видел. Но тут реально пять минут.

Нина посмотрела с одного на другую. Таисия чувствовала, что на них смотрят и родители Анны. Она могла сказать «нет». Могла назвать конкретно, что Нина нужна ей, чтобы позвать Зою Петровну. Вместо этого бросила:

— Делай как знаешь.

Роман увёл Нину к террасе. Таисия сфотографировала родителей, потом брата Павла с женой, потом подруг Анны. С каждой новой группой люди становились громче, свободнее, начинали просить свои варианты. Анна с Павлом остались в центре, обнимая всех, кого к ним подводили. Таисия смотрела поверх камеры и искала, кому ещё обещан снимок, но список был у Нины.

Зою Петровну она заметила за стеклом: та сидела внутри рядом с сестрой Анны. Наверное, стало жарко. Таисия решила, что позовёт её, когда закончит с друзьями. Тут подошёл администратор и сказал, что через десять минут молодым нужно в зал. Ведущий ждал открытия, кухня задерживала горячее. Таисия попросила ещё пять минут и сняла большую компанию друзей на ступенях.

Нина вернулась без Романа.

— Они там ещё родителей хотят, — сказала она. — На видео поздравления.

— Сейчас все пойдут в зал.

— Я сказала.

Таисия взяла у неё лист. Квадраты возле нескольких фамилий были зачёркнуты. Возле строки «Аня, Паша, Зоя Петровна, мама и папа» квадрат оставался пустым.

— Бабушка внутри? — спросила Таисия.

Нина оглянулась.

— Была. Я сейчас.

Она ушла и долго не возвращалась. Таисия в это время снимала, как молодые входят в зал, как друзья поднимаются навстречу, как Анна ищет глазами свою маму. Потом Нина подошла к ней и сказала совсем тихо:

— Её увезли.

— Кого?

— Зою Петровну. Ей нехорошо стало. Не сильно, просто голова закружилась. Они домой поехали. Сестра Ани тоже.

Таисия посмотрела на часы. Было без двадцати пять. До пяти. Они говорили «до пяти», но никто не обещал, что пожилая женщина будет ждать ровно до нужной минуты.

— Аня знает?

— Да. Ей мама сказала.

Роман снимал первый тост с дальнего конца зала. Таисия видела его спину, прямую шею, левую руку под камерой. Ей захотелось пройти через весь зал и показать ему лист. Не сказать ничего, просто поднести к лицу незачёркнутую строчку. Пусть объяснит, почему его пять минут оказались важнее.

Она даже сделала несколько шагов. Потом ведущий попросил гостей повернуться к молодым, и Таисии пришлось отойти к стене. Анна слушала отца. Павел держал её за руку под столом, не видя камеры. Таисия подняла фотоаппарат и сняла их, стараясь не думать о том, что именно теперь она теряла, пока смотрела на мужа.

После тоста Анна подошла к ней сама.

— Бабушке дома лучше, — сказала она. — Я только что звонила.

— Хорошо.

— Вы с ней успели? Там, у арки?

Таисия могла ответить, что успела снять объятие. Это было бы правдой. Могла сказать, что посмотрит вечером. Это тоже звучало бы нормально, потому что во время свадьбы никто не просматривает весь материал. Но Анна спрашивала не об объятии. Она спрашивала о снимке, который описывала на встрече: бабушка в середине, рядом внучка и её муж, по бокам родители. Последний такой снимок у них был ещё до смерти деда.

— Общий мы не сделали, — сказала Таисия.

Анна некоторое время смотрела на неё, словно ждала второй половины ответа.

— Совсем?

— У меня есть вы вдвоём, когда она приехала. Но тот, который планировали, нет.

— Я же просила.

Таисия кивнула.

За спиной Анны кто-то позвал её к столу. Невеста не повернулась сразу. Она стояла, придерживая ладонью маленькую складку на платье, и Таисия уже знала, что запомнит это движение лучше многих снятых сегодня объятий.

— Мы поговорим завтра, — сказала она. — Я найду, как это исправить.

Анна ответила не сразу:

— Сегодня уже не исправить.

И ушла к мужу, который отодвинул для неё стул.

Глава 4. Неснятое

После первого танца Таисия вышла на служебное крыльцо и села на ступеньку. Ремень камеры натёр шею, ступни гудели. Из открытой двери доносились музыка и звяканье посуды. На улице пахло разогретой за день травой и дымом: где-то за хозяйственным корпусом готовили ужин для работников.

Она достала телефон. От Анны пришло короткое сообщение: «Бабушка сказала, что сама виновата. Это не так». Таисия перечитала его несколько раз. Она не знала, что хуже: обиженная невеста или Зоя Петровна, которая решила, что недостаточно долго просидела в душном зале ради чужой работы.

Роман вышел следом, остановился на верхней ступеньке.

— Ты куда пропала?

— На три минуты.

— Через десять торт.

— Я знаю.

Он посмотрел на её телефон.

— Что там?

Таисия убрала телефон в карман. Если показать сообщение, разговор сразу станет разговором про Анну и бабушку, а она пока хотела, чтобы Роман услышал именно её.

— Мы не сняли семью. С Зоей Петровной.

— Она же уехала.

— До того как уехала, можно было снять.

— Ты вела группы.

Таисия подняла голову. Он стоял на фоне открытой двери, и лица было почти не видно; только белели закатанные рукава. Ей захотелось велеть ему спуститься ниже, где свет был ровнее, чтобы можно было смотреть на него, а не на силуэт. Даже сейчас она продолжала мысленно переставлять людей.

— Ты забрал Нину со списком.

— А ты не могла сказать, что она нужна прямо сейчас?

— Я сказала.

— Ты сказала «делай как знаешь».

Он помнил точную фразу. Из всего дня — её, ту, после которой ответственность удобно возвращалась к ней. Таисия встала слишком быстро; в коленях кольнуло.

— Потому что ты всё равно делаешь как знаешь.

— Я делаю работу. Сегодня ты весь день со мной воюешь.

— А ты весь день заставляешь меня уступать.

Роман оглянулся на дверь. Он делал это каждый раз, когда разговор становился неприятным: проверял, не слышит ли кто-нибудь. Раньше Таисия считала такую осторожность бережностью. Теперь ей хотелось, чтобы дверь оставалась открытой.

— Не здесь, — сказал он.

— А где? Дома тебя нет. В студии у нас клиенты. В машине тебе мешает дорога.

— Ты сама попросила меня съехать.

Это было правдой. Она попросила его съехать шестого апреля, вечером, когда он рассказал ей о заказе на недельную съёмку в другом городе, который уже подтвердил за них обоих. Таисия собиралась в те дни к отцу после операции. Роман знал, но решил, что можно перенести: операция была плановая, сестра рядом, а заказчик платил хорошо. Он не запретил ей ехать к отцу. Просто сказал «мы свободны», когда его спросили, а ей оставил выбор между своей семьёй и обязательством, о котором она узнала последней.

Тогда они всё-таки отказались от заказа. Отец поправился. Сестра сказала, что Таисия могла не приезжать так надолго. Снаружи ничего страшного не произошло. Но в тот вечер на кухне Таисия услышала себя: она опять доказывала, почему имеет право распорядиться несколькими собственными днями. И больше не могла.

— Да, — сказала она. — Я попросила тебя съехать. Это не отменяет того, что мы должны разговаривать о работе.

— Тогда о работе. Я могу вытащить кадр из видео. Она стояла рядом, когда Аня к ней подошла.

— Это не общий портрет.

— Я понимаю. Но хоть что-то.

Он говорил уже другим голосом, деловым и усталым. Таисия знала, что он правда посмотрит материал. Что найдёт несколько секунд и постарается получить из них приличный снимок. Этого было недостаточно, но это не было ничем. Ей стало ещё тяжелее от невозможности считать его человеком, которому всё равно.

Из дверей выглянула Нина.

— Торт понесли.

Таисия взяла камеру. Роман пошёл первым, придержал дверь и отпустил, когда она взялась за ручку. В зале свет погасили раньше, чем она успела вернуться на своё место. На торте горели маленькие свечи, а Анна смеялась чему-то, что Павел сказал ей на ухо. Таисия подняла чувствительность, сделала пробный кадр и поправила экспозицию. Снимать всё ещё нужно было хорошо.

Они закончили после одиннадцати. Нине вызвали такси и достали из багажника её рюкзак, оставленный там утром. Таисия перевела девушке деньги и добавила за лишний час. Роман молча грузил стойки. Анна с Павлом прощались с последними гостями; мать невесты держала под мышкой коробку с остатками торта.

— Спасибо, — сказал Павел, подойдя к ним. — Мы завтра созвонимся?

— Да, — ответила Таисия. — Лучше после обеда. Я сначала посмотрю съёмку.

Он кивнул, но не ушёл.

— Аня расстроилась. Она не хотела вам сегодня мешать.

— Она не мешала.

Таисия сказала это слишком резко. Павел посмотрел на неё, и она повторила уже спокойнее:

— Она правильно спросила. Я понимаю.

Домой ехали без музыки. Роман открыл окно; воздух ударял Таисии в правое плечо, и она натянула на себя лёгкую куртку. В полупустой машине техника стучала на поворотах. Раньше в это время они обсуждали лучшие моменты, вспоминали смешное, спорили о музыке для ролика. Сегодня не хотелось ни вспоминать, ни выбирать.

— Я занесу карты и уйду, — сказал он возле дома.

— Нужно сделать две копии.

— Я знаю.

На кухне стояла его утренняя кружка. Таисия вымыла её, пока он подключал диски в комнате. Звук льющейся воды успокаивал. Она долго тёрла пальцем внутренний ободок, хотя кофе уже смылся, потом поставила кружку сушиться и достала хлеб.

— Ты будешь есть?

— Буду.

Она отрезала два куска сыра, огурец, положила всё на одну большую тарелку и только потом поняла, что делает. Можно было взять две тарелки. Можно было вообще не спрашивать. Но сил переделывать не осталось.

Роман ел стоя у стола, следя за копированием. На экране медленно двигалась полоса. Таисия села на кровать и сняла носки. На пятке вздулся пузырь; она заклеила его пластырем из аптечки, которую Роман когда-то принёс в дом после её первой тяжёлой съёмки.

— У тебя бабушка есть? — спросил он.

— В смысле?

— На фотографиях. Пока копируется, посмотри.

Таисия вставила вторую карту в считыватель и открыла превью. Она шла по утру подряд: комната, платье, мать, отец, подъезд, машина, арка. Кадр за кадром люди снова проживали день, который для неё уже успел стать ошибкой. Анна держала материнскую руку. Павел наклонялся к невесте. Отец смотрел на дочь так, будто ему было одновременно страшно и хорошо.

Зоя Петровна появилась на нескольких снимках. На двух была видна в толпе, на одном сидела в первом ряду, чуть отвернувшись от солнца. Объятие у арки вышло лучше, чем Таисия думала: глаза бабушки закрыты, но лицо не спрятано полностью, видно её улыбку. Таисия приблизила фотографию и остановилась. Хороший кадр. Отдельный, живой, настоящий. Не тот.

— Вот, — сказал Роман у неё за спиной. — Нормально же.

Она закрыла изображение.

— Не говори так Анне.

— Я тебе говорю.

— Мне тоже не надо.

Он отступил к столу. Через несколько минут копирование закончилось. Роман сверил папки на двух дисках, один положил в свой рюкзак, второй оставил на столе. Таисия проверила количество файлов. Карты она убирать не стала: до окончательной проверки копий ничего с них не удаляли.

— Завтра в час? — спросил он.

— Я позвоню ей сама.

— Мы оба работали.

Таисия посмотрела на него. Она весь день хотела, чтобы он это признал, и теперь не знала, что делать с признанием, прозвучавшим в неудобную минуту.

— Хорошо. В час. На громкой связи.

Он взял рюкзак, задержался у двери.

— Кольцо хотя бы не выбрасывай.

— Я не собиралась.

Роман ушёл. Таисия вернулась к компьютеру, снова открыла объятие Анны с бабушкой и оставила его на экране. Потом прошла на кухню и достала жестяную коробку. Кольцо лежало в салфетке рядом с маленьким винтом. Она развернула его, посмотрела на внутреннюю сторону, где за двенадцать лет стёрлась часть гравировки, и положила обратно.

Завтра ей нужно было предложить Анне время, место и способ вернуть хотя бы часть пропущенного. Не объяснить, почему так получилось. Не добиться, чтобы Анна поняла её. Просто позвонить и выдержать то, что она услышит в ответ.

Глава 5. После праздника

В половине двенадцатого Таисия проснулась от звонка матери. Она спала поверх покрывала, в футболке, которую надела после душа, и сначала не поняла, почему в комнате так светло. На экране компьютера горело окно обновления. Рядом лежали вчерашние карты памяти, и, увидев их, она сразу вспомнила, что предстоит.

— Ты дома? — спросила мать.

— Дома.

— Я суп сварила. Могу занести.

Мать жила в двадцати минутах езды, но «занести» говорила так, будто находилась на соседнем этаже. После того как Роман съехал, она приносила еду каждые несколько дней. Таисия ела её прямо из контейнеров и раздражалась на заботу, за которую нужно было благодарить, когда хотелось молчать.

— У меня звонок в час. Я потом сама заберу.

— Роман приедет?

— Да. По работе.

Пауза длилась совсем недолго, но Таисия успела пожалеть, что сказала правду.

— Хорошо, — ответила мать. — Тогда не мешаю.

Она не спросила ничего больше. Таисия знала, что вечером спросит, как он выглядел, не похудел ли и не говорили ли они о чём-нибудь, кроме работы. Сам Роман позвонил без десяти час и сказал, что уже у подъезда. Таисия успела умыться, застелить кровать и расставить на столе чашки, но не успела выпить кофе. От голода слегка дрожали руки.

Он принёс пакет с горячей выпечкой.

— Возьми, пока не остыло.

— Я после.

— Тась, поешь. У тебя сейчас голос будет такой, будто ты на неё злишься.

Это раздражало ещё сильнее, потому что он был прав. Она отломила кусок пирожка и съела стоя. Роман сел к компьютеру, показал три стоп-кадра. На одном Зоя Петровна смотрела прямо в камеру. На другом Анна наклонилась к ней, и их лица оказались рядом. На третьем была вся семья, но отец невесты закрыл половину Павла, а внизу виднелась чужая рука с телефоном.

— Последний можно почистить, — сказал Роман.

Таисия долго смотрела на кадр.

— Не будем делать вид, что сняли то, чего не сняли.

— Я и не предлагаю делать вид. Можно отдать дополнительно.

Она кивнула. Он снова говорил разумную вещь, и ей приходилось каждый раз отнимать у неё собственную злость, чтобы услышать.

Анна ответила почти сразу. Голос был низким, хрипловатым; Таисия представила, как та сидит во вчерашней рубашке Павла, с распущенными волосами, среди цветов. Потом запретила себе придумывать. Она ничего не знала об этом утре.

— Добрый день, Аня. Со мной Роман, мы на громкой связи. Вам удобно?

— Да. Паша тоже здесь.

Таисия положила телефон на стол.

— Я посмотрела фотографии. Того общего портрета, о котором вы просили, нет. Это наша ошибка. Я предлагаю отдельную семейную съёмку за наш счёт, в удобный для вас день. Можно у Зои Петровны, можно в студии. Если нужны транспорт, макияж или подготовка платья, обсудим и оплатим.

На другом конце было тихо. Потом Анна сказала:

— Вы понимаете, что мы завтра уезжаем?

— Да. Я помню про поездку.

— Вернёмся первого июня. Платье я уже отдала чистить. Мама работает. Паша тоже. Это не просто всех собрать ещё раз.

— Понимаю.

— Нет, вы не понимаете. Я вчера весь день думала, что теперь у меня этот снимок будет. Я специально попросила бабушку приехать пораньше. Она не любит ездить.

Таисия смотрела на свои руки. Светлая полоска на пальце почти исчезла. Ей хотелось сказать, что она помнит букет, помнит брошь, что не отмахнулась от просьбы. Но всё это только подчёркивало: помнила и всё равно не сделала.

— Вы правы, — сказала она. — Я не могу вернуть вчерашний день. Могу только предложить то, что ещё возможно. Решать вам. Не нужно отвечать сейчас.

Роман наклонился к телефону:

— У нас есть хорошее видео с бабушкой. И несколько фотографий Таси, где вы обнимаетесь. Сегодня пришлём их, чтобы вы видели.

— Пришлите, — сказал Павел. — А со съёмкой давайте после поездки. Нам нужно с родителями поговорить.

— Хорошо.

— И ещё, — Анна заговорила быстрее, словно боялась не успеть. — Не выкладывайте пока нашу свадьбу. Вообще ничего. Ни фотографии, ни видео. Я не хочу сегодня читать, как всё было идеально.

Таисия почувствовала, как Роман рядом изменил позу. Они обычно выкладывали первые кадры на следующий день. Анна раньше дала согласие на публикацию отобранных снимков, но сейчас говорила ясно.

— Не будем, — ответила Таисия. — Перед любым размещением вернёмся к вам отдельно. Сейчас всё останется только у вас и у нас.

Когда звонок закончился, Роман взял оставшийся пирожок и разломил пополам. Несколько крошек упало на клавиатуру. Он быстро смахнул их ладонью.

— Ты предложила много, — сказал он.

— Нужно было меньше?

— Я про деньги. Транспорт, макияж, платье. Ты хоть прикинула?

— Пока нет.

Он кивнул и отложил пирожок. Таисия ждала, что он начнёт считать вслух, скажет про остаток за аренду, про летний провал, про то, что они и так отказываются от новых совместных заказов. Но он молчал.

— Я оплачу половину, — сказала она.

— Мы оба оплатим. Я не про то.

— А про что?

Роман провёл ладонью по лбу.

— Ты сначала предлагаешь всё, а потом мы должны вытянуть. Я не говорю, что не надо было. Но ты же тоже не спросила.

Она хотела ответить сразу. Ответ был готов: он забрал помощницу, он не слушал, он встал перед камерой. Но в звонке действительно говорила она. И сумму действительно не обсудила с ним заранее. Таисия взяла телефон и положила его экраном вниз.

— Да. Надо было до звонка посчитать хотя бы варианты.

Роман посмотрел на неё с осторожностью, которая оказалась неприятнее торжества.

— Я не пытаюсь снять с себя ответственность.

— Я слышу.

Они открыли таблицу расходов. Таисия внесла отдельную строку без суммы — «семья Анны, дополнительная съёмка». Роман нашёл стоимость такси до посёлка, где жила Зоя Петровна, и записал приблизительную цифру с запасом. Потом они договорились, что ни один не обещает другому новые траты без сообщения. Не на всю жизнь. На оставшиеся три заказа, один из которых уже сняли, но ещё не закончили.

Роман ушёл после двух. Таисия отобрала двенадцать фотографий, обработала их и отправила Анне закрытой ссылкой. Объятие с бабушкой поставила четвёртым. Не первым, как доказательство своей правоты, и не последним, как утешение. Просто туда, где оно было в дне.

К матери она приехала ближе к вечеру. Мать открыла дверь с полотенцем в руках, посмотрела на её лицо и сказала, что суп уже разогрет. Отец сидел в комнате у окна и разбирал старый радиоприёмник. После операции ему запретили поднимать тяжёлое, и теперь вся его работа помещалась на газетном листе.

— Ну как свадьба? — спросил он.

— Тяжёлая.

— Много народу?

— Не в этом дело.

Таисия села рядом. Отец отложил маленькую отвёртку и не стал спрашивать дальше. Из кухни пахло укропом. Ей вдруг захотелось рассказать ему про бабушку, про Анну, про то, как стыдно было стоять перед ней с камерой, за которую заплатили. Но тогда пришлось бы рассказать и про собственное желание наказать Романа. Она пока не могла произнести это вслух.

— Ты выглядишь уставшей, — сказал отец.

— Я и есть уставшая.

Он кивнул. В этом доме иногда удавалось сказать простую вещь и не получить в ответ объяснение, почему на самом деле всё иначе.

За ужином мать всё-таки спросила о Романе. Таисия положила ложку на край тарелки.

— Мам, мы сегодня созванивались с клиентами. Ничего больше не произошло.

— Я просто спросила, как он.

— Не знаю.

— Двенадцать лет знала, а теперь не знаешь?

Отец поднял глаза, но не вмешался. Таисия посмотрела на суп, на тонкие колечки зелёного лука, которые мать всегда добавляла ей отдельно. Здесь о ней заботились так хорошо, что отказаться от разговора казалось неблагодарностью.

— Я знаю, что он устал, — сказала она. — Знаю, что он купил мне еду. Знаю, что мы вместе будем оплачивать нашу ошибку. Я не знаю, как он живёт без меня. И сегодня не хочу выяснять.

Мать отвернулась к плите. Таисия доела суп, хотя больше не чувствовала вкуса. Когда собиралась уходить, мать дала ей два контейнера и пакет чистой клубники.

Уже на лестнице телефон коротко завибрировал. Анна написала: «Фотографию с бабушкой сохранила. Она себе тоже попросила. Спасибо». Таисия стояла между этажами и смотрела на сообщение, пока экран не погас. Это было спасибо за конкретную фотографию. Она не стала превращать его во что-то большее.

Глава 6. Стена для чужих лиц

В студии Аркадий Устинов снял со стены большой семейный портрет. Под рамой остался светлый прямоугольник, и Таисия сначала решила, что он собирается красить. На полу лежали два свёрнутых фона, возле окна стояли коробки. Аркадий придерживал раму коленом и искал отвёртку в кармане жилета.

— Помочь?

— Подержи, пожалуйста.

Она взяла портрет за боковые края. На снимке были жена Аркадия и взрослая дочь, ещё школьница во время съёмки. Таисия знала их по именам, хотя жену видела всего два раза, а дочь давно жила в другом городе. Аркадий никогда не менял эту фотографию. Даже когда ему предлагали повесить что-нибудь новое и более подходящее для клиентов, он отвечал, что это его стена.

— Вы ремонт делаете? — спросила Таисия.

— Нет. Продаю помещение.

Она чуть сильнее сжала раму. Аркадий это заметил и сразу подхватил снизу.

— Поставь пока сюда.

Они прислонили портрет к стене. Таисия машинально повернула его лицом внутрь, чтобы не задеть стекло, потом снова развернула. Не хотелось, чтобы жена и дочь Аркадия стояли, уткнувшись в штукатурку, пока он объясняет, что их время здесь закончилось.

— Вы же говорили, до зимы ничего не будет.

— Я говорил, что думаю до зимы. Нашёлся покупатель. Мне подходит.

Он достал из стола папку, но не открыл её. Таисия посмотрела на длинный стол у окна, на шкаф с их техникой, на стену, где висели шесть свадебных кадров. Все шесть сняла она. Под каждым стояла общая подпись «Берестовы», и раньше это казалось ей правильным: Роман выбирал рамки, заказывал печать, договаривался с Аркадием, чтобы повесить. Теперь она видела прежде всего отсутствие своего имени.

— Когда нужно съехать?

— К концу июля. Ваш срок я не трогаю. Как договаривались.

До конца июля оставалось два месяца. На бумаге это было достаточно. В голове Таисии два месяца состояли из второй свадьбы, третьей свадьбы, обработки первой, разговоров с Романом, которые нельзя было ускорить, и денег, которых уже становилось меньше. Она села на низкую банкетку, где обычно ждали клиенты.

Аркадий убрал папку обратно.

— Я думал, вы всё равно разъезжаетесь.

— Мы ещё не поделили оборудование.

— Здесь можно поделить. Тут места хватит.

Он сказал это буквально, и Таисия неожиданно почувствовала облегчение. Ей не предложили урок о том, что всё к лучшему. Просто разрешили разложить вещи на полу.

— Роман знает?

— Я ему звонил вчера. Он сказал, поговорит с тобой.

Таисия отвернулась к окну. Вот это было хуже самой продажи. Роман вчера сидел у неё дома, ел пирожок, считал стоимость поездки к Зое Петровне и не сказал о помещении, в котором лежала половина её работы.

— Я не знал, что не поговорил, — добавил Аркадий.

— Ничего.

Она слишком часто говорила «ничего», когда уже что-то произошло. Аркадий не стал принимать это за разрешение продолжать. Он взял рулон бумаги, отрезал кусок и начал заворачивать семейный портрет. Таисия помогла заклеить углы.

Аркадий попросил достать с верхней полки плоскую коробку. До неё приходилось тянуться со стремянки; Роман обычно доставал, встав на нижнюю ступень. Таисия раскрыла стремянку полностью и проверила, защёлкнулась ли распорка. На коробке было написано её рукой: «Пробы. Не отдавать». Она поставила её на стол и сдула пыль с крышки, пока Аркадий искал упаковочную ленту.

Внутри лежали старые отпечатки. Первые пробы делали у человека, который обещал дешевле, и на свадебном платье получился голубой край. Другую партию печатали уже в хорошей мастерской, но Таисия сама слишком затемнила лица. Роман разложил тогда два десятка листов на кухне, включил все лампы и долго не позволял ей выкинуть неудачные.

Она взяла один лист. Невеста стояла под деревом, прикрывая ладонью глаза. В углу сохранилась пометка карандашом: «Это утро, а не вечер». Романов почерк. Таисия помнила, как разозлилась на эту надпись, и как потом всё-таки открыла исходник. Они сидели рядом до трёх ночи, по очереди подвигали стул к монитору, и он приготовил яичницу в маленькой кастрюле, потому что сковородку накануне выбросили. Снизу она пригорела. Есть пришлось с хлебом, соскабливая мягкое сверху.

— Отдать на макулатуру? — спросил Аркадий.

— Нет. Я заберу.

Он протянул ей пакет. Таисия поняла, что держит не один выбранный снимок, а прижимает к груди всю коробку. Поставила её и начала разбирать. Чужие лица она не хотела оставлять в общем мусорном баке; часть листов следовало уничтожить отдельно, часть сохранить как рабочие пробы. Но для этого не требовалось увозить домой каждую ошибку за восемь лет.

Аркадий присел рядом. Достал из нижней стопки маленькую фотографию студии без мебели.

— Эту помнишь?

На полу стояли два ведра краски, в окне отражался прямоугольник двора. Таисия снимала в день, когда они получили ключи. Роман остался за камерой, держал пакет с кистями. Она тогда не подумала попросить его войти в кадр; хотелось запомнить пустую комнату, которой ещё можно было стать любой.

— У вас здесь ещё розетка искрила, — сказала она.

— Её до вас заменили.

— Мы потом другую меняли. У двери.

— У двери вы просто вилку сломали.

Она перевернула снимок. Даты не было. Аркадий встал, показал пальцем на розетку: белая рамка чуть выступала из стены. Таисия вспомнила не искру, а хруст, когда Роман отодвигал стол, не вынув провод. Она неделю рассказывала всем про опасную проводку и только теперь снова увидела сломанные им зубцы вилки.

— Да. Точно.

Аркадий оставил фотографию ей. Она положила её отдельно от проб. В комнате на снимке не было ни хорошего, ни плохого обещания. Даже место, где они потом поставили шкаф, выглядело чужим.

Устинов попробовал закрыть большой короб, но бумага не давала сложить крышку. Таисия придержала край, он заклеил шов. На верхней стороне написал адрес дочери.

— Портрет отправите ей?

— Большой домой повешу. Ей несколько маленьких.

— Она просила?

— Давно. Я говорил, приедешь, выберем. Она всё не приезжала. Теперь сам выбираю, по телефону.

Он поднял телефон и показал переписку с короткими номерами снимков. Возле одного стояло: «Этот не надо, пожалуйста». Аркадий убрал выбранный отпечаток обратно в свой конверт. Не сердился, но губы сжал.

Таисия хотела сказать, что дочь потом пожалеет. Сама не раз говорила такое клиентам, когда те отказывались от хороших кадров. Но на столе перед ней лежала коробка фотографий, которые она могла оставить себе, не заставляя других смотреть на них.

— Вам тяжело всё вывозить? — спросила она вместо этого.

— Да. Сегодня бы ещё до трёх закончить. Машина придёт.

— Я помогу, пока Романа нет.

Они завернули две рамы, собрали разрозненные крепления. Аркадий несколько раз отходил отвечать покупателю помещения. Тот спрашивал про щиток, затем про доступ в подвал. Таисия оставалась у стола с лентой в руке. Когда Устинов вернулся в третий раз, она спросила, не мог бы покупатель подождать хотя бы до осени.

Он положил телефон на коробку.

— Тась, я уже договорился.

— Понимаю. Просто здесь у нас...

Она не закончила. Аркадий ждал, не помогал найти удобное продолжение. За спиной у него была стена, с которой он только что снял собственную семью.

— Здесь и у меня много чего, — сказал он наконец. — Я вам срок оставил. Дальше не могу.

Таисия кивнула и оторвала ленту. Край приклеился к ладони, она отклеила его и пригладила на картоне. Они больше не говорили о продаже. Через несколько минут Аркадий попросил подписать один короб с боковой стороны: когда поставят друг на друга, верхней надписи не будет видно. Она подписала крупно, в две строки.

Роман приехал через час. Она к тому времени разобрала одну полку и достала старый фотоальбом, который они показывали на встречах. На обложке не было имён, только серебристая ветка. Внутри — десять свадеб, разные города, разные годы. Она открыла разворот с парой у дождливого окна. Этот снимок принесла на свою первую встречу Анна: сохранила с их страницы, распечатала на обычной бумаге и сказала, что хочет что-то столь же спокойное.

— Почему ты не сказал про студию? — спросила Таисия, не закрывая альбом.

Роман остановился у шкафа.

— Собирался сегодня.

— Мы вчера виделись.

— Вчера у нас было другое.

— Ты решил, что мне хватит?

Он поставил сумку на пол.

— Да. Решил, что хватит. Не специально от тебя скрывал.

Таисия провела пальцем по краю страницы. Бумага была плотной, тёплой от солнца. Когда они заказывали этот альбом, денег не хватало, и она отказалась от нового объектива. Роман тогда говорил, что без хорошего образца им не доверят дорогую свадьбу. Он оказался прав. Она не могла честно сказать, что всё общее было только его ошибками и её уступками.

— Я хочу знать такие вещи сразу, — сказала она.

— Хорошо.

— Даже если у меня тяжёлый день.

— Хорошо, Тась.

Он потянулся к альбому, но она закрыла его раньше.

— И нам надо подать заявление.

Роман убрал руку.

Они уже говорили о разводе. Сначала в ту ночь в апреле, потом через неделю, потом ещё раз, когда он приехал за одеждой. Он не отказывался, но каждый разговор заканчивался тем, что нужно выбрать день. То у неё была съёмка, то у него монтаж, то он уезжал к матери. Дни действительно были заняты. И всё же заявление оставалось единственным делом, для которого не находилось свободного часа.

— Я помню, — сказал он.

— Давай двадцать девятого.

— У меня встреча.

— Во сколько?

Он достал телефон. Таисия смотрела, как он листает календарь. Когда-то они считали этот общий календарь признаком доверия: ничего не нужно спрашивать, всё видно. Теперь важные встречи иногда оказывались в другом, личном, которого она не видела.

— После обеда могу, — сказал Роман.

— Я тоже.

Он записал время и показал ей экран. Таисия кивнула. Она ждала какой-то другой реакции от себя: острого облегчения, боли, внезапного желания отменить. Вместо этого подумала, что нужно найти свидетельство о браке, и разозлилась, что и этот документ, вероятно, придётся искать ей.

— Синяя папка у тебя, — сказал Роман, словно услышал. — В нижнем ящике. Я ничего не забирал.

— Хорошо.

Они начали выписывать технику. Сначала легко: её основной фотоаппарат, его видеокамера, две вспышки, стабилизатор. Потом список перестал делиться на две колонки. Запасная камера подходила обоим. Светом пользовались оба. Ноутбук был куплен на деньги после большой съёмки, где Таисия отработала три дня, а Роман монтировал почти месяц. Нельзя было поставить рядом с каждым предметом лицо человека, который имел на него больше прав, просто вспомнив, кто чаще держал его в руках.

— Пока только список, — сказала она, когда почувствовала, что начинает говорить громче. — Не делим сегодня.

Роман согласился. Они дошли до кабелей и зарядок, и тут выяснилось, что один сетевой адаптер давно потерян, а другой лежит у Нины. Таисия написала девушке. Нина ответила, что вернёт завтра, и спросила, будут ли они звать её на июньскую свадьбу.

Таисия посмотрела на Романа.

— Будем?

— Если она согласится.

— Она как раз спрашивает.

Он кивнул, потом добавил:

— Надо нормально объяснить, кто за что отвечает.

Таисия написала Нине, что позовут и отдельно обсудят порядок работы. Не стала обещать, что больше никогда не будет неловко. Этого она не знала.

Перед уходом Аркадий позвал её к окну. Он держал небольшой отпечаток — ту же фотографию дочери, только без матери, снятую на несколько секунд позже.

— Нашёл за рамой. Я второй вариант туда положил и забыл.

Девочка на снимке смотрела в сторону, рот был полуоткрыт, как будто она собиралась что-то сказать. Таисия сразу поняла, почему Аркадий выбрал другой кадр: там всё было спокойнее и закончено. Здесь человек ещё не успел стать портретом.

— Хорошая, — сказала она.

— Ей не нравилась. Говорила, что зубы видно.

Он убрал снимок в конверт, аккуратно, не сгибая углов.

— Я вам могу помочь с оценкой техники. Посмотрим состояние, цены. А дальше сами решайте.

— Спасибо.

— Только не оставляйте на последний день.

Таисия кивнула. Он вернулся к коробкам. Она ещё немного постояла у стены со своими шестью фотографиями, потом достала телефон и сняла их вместе: рамки, подписи, светлый прямоугольник от чужого портрета сбоку. Это не был материал для страницы. Ей просто нужно было запомнить, как всё стояло, прежде чем они начнут разбирать.

Глава 7. Второй раз не бывает первого

Анна согласилась на съёмку второго июня, в доме у бабушки. Не сразу: сначала ответила, что спросит семью, потом два дня молчала, потом прислала время. Таисия прочла сообщение в очереди в магазине и вышла, забыв купить хлеб. Она уже почти убедила себя, что им откажут, и успела придумать, как будет возвращать часть денег. Теперь нужно было снова ехать к людям и смотреть им в глаза.

Платье Анна надевать не захотела.

— Я не буду изображать, что свадьба продолжается, — сказала она по телефону. — Просто снимите нас нормально.

Таисия заказала машину для родителей, оплатила визажисту лёгкую подготовку Анны и согласовала с ней, что никаких новых расходов без предупреждения не будет. Роман предложил приехать тоже. Она сначала собиралась сказать, что видео не нужно, но вспомнила их разговор после звонка.

— Можешь помочь со светом, — сказала она. — И отвезти оборудование.

— Хорошо.

В машине по дороге он спросил, что они скажут Зое Петровне. Таисия смотрела в окно на участки за низкими заборами.

— Что ошиблись.

— Я не хочу её расстраивать ещё раз.

— Она и так решила, что виновата.

Роман помолчал, потом кивнул. На этот раз не стал уточнять, кто именно ошибся.

Дом оказался маленьким, с низкой верандой и садом, в котором старые яблони стояли теснее, чем следовало. После дождя дорожка ещё не высохла. Таисия прошла по ней боком, чтобы не задеть рюкзаком мокрые ветки. У двери их ждала Зоя Петровна в тёмно-синем платье и с той же круглой брошью.

— Проходите, — сказала она. — Только пол не берегите, я потом вымою.

В прихожей стояли четыре пары обуви и коробка с электрическим чайником. Таисия поставила рюкзак на табурет, предложенный бабушкой, и протянула руку к ремню. Зоя Петровна опередила её:

— Аня сказала, вы очень переживаете. Не надо. Я сама уехала.

— Мы должны были снять вас раньше, — сказала Таисия. — Вы ни в чём не виноваты.

— Да я и не говорю, что виновата. Мне просто неудобно, что вы ещё раз едете.

Таисия замолчала. Она приготовилась убедить человека не обвинять себя, а человек говорил о другом: о лишней поездке, о неудобстве для гостей. Не всякая вежливая фраза была скрытой просьбой о спасении.

— Нам удобно, — ответила она. — Мы договорились. Покажете, где лучше сесть?

В комнате было два окна и большая стенка с посудой за стеклом. На диване сидел Павел, рядом с ним отец Анны, оба в рубашках без пиджаков. Мать поправляла занавеску. Анна вышла из кухни с чашкой воды. На ней было простое светлое платье с короткими рукавами. Она поздоровалась с Таисией, но обнимать не стала, как делала на первой встрече.

— Можно здесь? — спросила Таисия, показывая на место у окна.

— Только кресло дедушки не двигайте, — сказала Зоя Петровна.

Кресло стояло как раз там, где она хотела поставить семью. Старое, с продавленной подушкой, накрытое клетчатым пледом. Таисия посмотрела на Анну; та слегка качнула головой. Тогда Таисия повернулась к другому окну и начала собирать кадр заново.

Роман принёс стойку, поставил свет и спросил, куда повернуть. Она показала. Он не предложил другого варианта. От этого работать стало проще, но Таисия всё равно ловила себя на ожидании замечания. Нужно было время, чтобы перестать заранее спорить.

Сначала сняли всех вместе. Зоя Петровна настояла, что будет стоять, и Таисия не стала возражать. Поставила её ближе к столу, на который можно было опереться, но не сказала об этом вслух. Анна и Павел встали рядом, родители по краям. На первом кадре отец Анны закрыл глаза. На втором все смотрели в разные стороны. На третьем Зоя Петровна начала поправлять брошь.

— Ещё один, — сказала Таисия. — Не торопимся.

Анна выдохнула, обняла бабушку за плечи и вдруг стала похожа на себя в свадебное утро — только без того напряжения, которое заставляло держать лицо. Таисия сделала несколько снимков подряд.

Потом бабушка села. Они менялись местами, звали младшую сестру Анны, которая сначала помогала на кухне, снимали родителей отдельно. Отец всё время держал руки за спиной. Таисия попросила повернуться к жене. Он послушался, но руки не опустил, и женщина сама взяла его под локоть, подтянула ближе.

— Вот так мы стоим обычно, — сказала она. — Можно так?

Таисия сняла. Мужчина посмотрел на жену, потом снова в объектив. На свадебных фотографиях он был торжественным и тревожным; здесь придерживал ту самую руку, которую жена положила ему на сгиб локтя, и большим пальцем тёр край её рукава. Таисия сделала ещё кадр, не предлагая им улыбнуться.

Сестра Анны пришла с кухни без жакета. Мать сразу спросила, где он.

— Жарко в нём.

— Мы же договорились светлое.

На девушке была тёмная футболка с маленькой надписью. Она посмотрела на Анну, как будто ждала решения от неё. Анна подняла плечи.

— Мне всё равно. Иди сюда.

— Будет пятно, — сказала мать Анны, обращаясь к Таисии. — Среди всех светлых вещей.

Таисия оглядела семью. Она сама просила спокойные цвета и представляла ровный снимок, пригодный для большого разворота. Тёмная футболка действительно меняла рисунок. Можно было быстро послать девушку переодеться, и никто не назвал бы это грубостью. Но та уже стояла в двери, опустив руки, и ждала, когда перестанет мешать.

— Давайте сначала сядем, — предложила Таисия.

Она попросила Анну присесть на подлокотник дивана, сестру посадила возле бабушки. В тесной группе тёмная ткань оказалась рядом с Зоиным платьем. Мать ещё смотрела недовольно, однако спорить перестала. Таисия отошла к двери, Роман слегка повернул отражатель.

— Только Аню не выше всех, — сказала сестра. — У нас всегда так: она выше, я с краю.

Анна спустилась с подлокотника.

— Сама садись сюда.

— Я не про это.

Они обе повернулись к Таисии. Она привыкла, что люди перед камерой хотят правильного ответа, но сейчас не могла назначить место, которое устроило бы две взрослые сестры вместе со всей их жизнью до сегодняшнего утра.

— Можно вам вдвоём сначала? — спросила она. — Без остальных. Здесь, на диване.

Зоя Петровна поднялась, прежде чем ей предложили помощь, и пошла к кухне. Мать потянулась за жакетом дочери, но отец что-то сказал ей вполголоса. Они остались возле окна.

Анна и сестра сели рядом. Между ними был зазор, в который можно было положить подушку. Таисия попросила Анну повернуться немного боком. Сестра сразу отодвинулась, освобождая место её платью.

— Оно короткое, — сказала Анна. — Не надо от меня всё время отодвигаться.

— Я не от тебя.

— Я понимаю.

Они посмотрели друг на друга. Таисия успела сделать несколько снимков. Потом Анна подвинула ногу, зацепила сестрин тапок; обе наклонились его искать. Роман опустил отражатель, чтобы не мешать. Когда выпрямились, сестра сидела уже ближе, рука лежала на спинке за Анной.

— Так нормально? — спросила она.

— Да. Подожди секунду.

Таисия сняла их ещё раз. Ни одна не улыбалась широко, но обе перестали ждать исправления. Она показала экран. Сестра приблизила изображение, разглядывая себя.

— Можно мне тоже прислать? Только не мамин сжатый файл.

— Аня получит всю галерею. И этот кадр в полном размере.

Анна кивнула и достала телефон, чтобы запомнить номер. Мать хотела посмотреть, но дочь попросила подождать до готовых фотографий. Таисия не стала поворачивать камеру к ней без спроса.

Из кухни позвала Зоя Петровна. У неё соскользнул нож, яблочный пирог с одного края смялся, и она хотела успеть переложить его на другую тарелку до чая. Роман пошёл помочь, Таисия оставила камеру на ремне и подняла с пола сестрин жакет. На рукаве прилип белый волосок. Она сняла его, повесила жакет на стул, а потом заметила, что Анна стоит перед стенкой с посудой и рассматривает маленькую фотографию за стеклом.

— Это с дедушкой? — спросила Таисия.

— Да. Здесь мне шесть.

На фотографии Анна держала огромную для неё рыбу. Мужчина рядом не смотрел в объектив, проверял, не уколола ли она ладонь. Снимок был выцветшим, по нижнему краю шло пятно.

— Бабушка не даёт заменить. У мамы есть лучше напечатанный.

— Этот тоже можно сохранить.

Анна качнула головой.

— Я не про качество. Мама его тогда сняла, а дедушка потом сам сюда поставил. Она поэтому не даёт.

Таисия посмотрела на след от рамки на полировке. Чтобы вынуть фотографию, пришлось бы отодвинуть две чашки и фарфоровую собаку, которую Зоя Петровна поставила на самый край. Она не предложила забрать снимок в студию. Анна закрыла стекло и пошла проверять, готов ли чай.

Павел задержался у двери.

— А меня с Зоей Петровной можно отдельно? — спросил он. — Она всё говорит, что я теперь тоже внук. А мы ни разу не снимались вдвоём.

Из кухни донеслось:

— Снимались. На свадьбе. Там ты в самом краю.

— Вот я и хочу не в краю.

Зоя Петровна вышла, вытирая пальцы полотенцем. Павел отодвинул для неё стул, но она встала рядом с ним и сама убрала полотенце на спинку. Ему пришлось слегка наклониться, чтобы услышать её просьбу: пусть стоит прямо, она не такая маленькая. Таисия сделала портрет, затем ещё один, когда женщина поправила ему воротник.

Роман остался на кухне перекладывать пирог. Свет стоял достаточно хорошо и без его руки. Таисия только повернула голову вспышки, чтобы отражение не попадало в стекло. Проверила лица, резкость, открытые глаза. Перед чаем она вернула всех к дивану и сняла семью

ещё раз, уже с младшей сестрой. Потом пролистала сделанные группы: бабушка и молодые, родители, вся семья, сестры, Павел с Зоей Петровной. Никого не нужно было звать обратно.

— А теперь можно возле кресла? — спросила Анна, когда остальные ушли пить чай.

Зоя Петровна стояла у двери и услышала.

— Зачем?

— Я хочу с тобой. Там.

Бабушка посмотрела на пустое кресло. Таисия опустила камеру и подождала. Роман тоже не двигался; его рука лежала на стойке.

— Ну садись, — сказала Зоя Петровна.

— Ты сядь.

— Я здесь не сижу.

Анна не стала уговаривать. Она опустилась на широкий подлокотник, а бабушка встала рядом. В кадре осталось пустое сиденье, плед, две женщины и край книжной полки. Таисия сделала снимок. Потом ещё один, когда Анна повернулась к бабушке и что-то ей тихо сказала. Она не услышала слов, но увидела, как у Зои Петровны изменилось лицо.

За чаем Таисию посадили рядом с Павлом. Роман остался у двери, пока Зоя Петровна не велела ему взять стул. На столе были пирог с яблоками, варенье, сыр в пластиковой коробке. Анна рассказывала про поездку: у них два дня шёл дождь, они нашли маленькое кафе и возвращались туда каждый вечер. Павел поправлял подробности, но не спорил. Таисия слушала и старалась не искать в их разговоре предсказание собственной истории. Люди могли перебивать друг друга и всё равно быть счастливы. Могли молчать и не скрывать обиду. Она больше не имела права объяснять любой брак тем, что знала о своём.

Когда собирались уходить, Анна вышла с ней на веранду.

— Спасибо, что приехали.

— Я пришлю завтра несколько. Остальные вместе со свадьбой, в срок.

— Хорошо.

Таисия застегнула рюкзак. Ей хотелось спросить, стало ли лучше. Не про фотографии — про всё. Она сдержалась.

— Я всё ещё расстроена, — сказала Анна сама. — Не думайте, что я специально. Просто на свадьбе был один день, а это другой.

— Я понимаю.

— Но эти тоже нужны.

Она обняла Таисию коротко, неловко, не снимая с плеча ремешок сумки. Потом вернулась в дом. Таисия осталась на веранде, чувствуя под рукой прохладную деревянную стойку. Объятие не отменяло сказанного. Можно было принять обе вещи сразу, хотя это давалось труднее, чем прощение или окончательная обида.

В машине Роман долго не заводил двигатель. Он смотрел на дом через лобовое стекло.

— Хорошо сняла, — сказал он.

— Ты ещё не видел.

— Я видел, как они стояли.

Таисия положила рюкзак между ногами.

— Спасибо, что помог.

Он повернул ключ. По дороге они остановились у магазина купить воды. Таисия вышла размять ноги и заметила на рукаве пятно от мокрой ветки. Роман протянул ей салфетку. Она взяла, потёрла ткань и поняла, что только размазывает зелёный след.

— Дома отстираешь, — сказал он.

Она кивнула. Это было обычное слово — «дома», — но теперь каждый слышал в нём своё место. Таисия посмотрела на его усталое лицо и впервые за последние недели не захотела проверить, понимает ли он разницу.

Вечером она открыла снимки и нашла общий портрет. Все шестеро смотрели в камеру. Руки лежали естественно, никто никого не заслонял, за плечами светлела стена. Хорошая, нужная фотография. Она сохранила её в отдельную папку, потом открыла снимок у кресла и задержалась на нём дольше.

Края пледа были неровными. На полке стояла банка с пуговицами. Внизу виднелась трость, которую Зоя Петровна в тот день уже не просила убрать. Таисия оставила всё как было.

Глава 8. Дата в календаре

Третьего июня Таисия пришла в студию раньше Елизаветы и долго переставляла стулья. За большим столом у окна они обычно сидели вчетвером: молодые напротив, она и Роман рядом. Сегодня Роман обещал подключиться позже, после встречи с монтажёром, и один лишний стул всё время попадался ей на глаза. Убрать его означало заранее объяснять отсутствие мужа. Оставить — ждать его вместе с клиентами. Таисия поставила стул у стены, потом рассердилась на себя и вернула на место.

В телефоне висело подтверждение даты расторжения брака. Заявление они подали двадцать девятого мая; прийти нужно было второго июля. Она уже внесла это в личный календарь, но уведомление не удаляла. На экране рядом стояли два события: чужая свадьба и её развод. Между ними помещалось десять дней.

В день подачи заявления Роман приехал без опоздания. Они сидели в коридоре, где на подоконнике сохла земля в большом цветочном горшке, и впервые за долгое время им не требовалось обсуждать работу. Таисия смотрела на его руку с паспортом. Кольцо он тогда ещё носил.

— Фамилию оставишь? — спросил он.

Она знала, что этот вопрос будет в заявлении, и всё же услышала его как личный.

— Оставлю.

— Хорошо.

— Это не про нас, Ром. Меня так знают.

Он повернулся к ней.

— Я понял.

Таисии стало стыдно за поспешность. Он не пытался присвоить её ответу значение, а она уже отняла его, не дождавшись. Потом их пригласили, проверили документы, спросили о согласии. Роман ответил «да» раньше неё. Таисия тоже сказала «да», и именно после его голоса всё стало настоящим. До этой секунды она могла сердиться на то, что он тянет. Теперь сердиться было не на что.

На улице он предложил подвезти её до студии. Она отказалась, хотя до ближайшей остановки было далеко. Хотелось пройти этот кусок пути одной, без немедленного разговора о том, что они всё сделали спокойно. Роман не настоял. Она дошла до остановки, села на лавку и обнаружила, что держит паспорт обеими руками, словно он мог выпасть, если ослабить пальцы.

Теперь паспорт лежал в сумке, а Елизавета Копылова стояла на пороге студии, складывая мокрый зонт. Она была одна. Таисия видела её зимой вместе с женихом; тогда Елизавета говорила мало, а Сергей задавал вопросы про аппаратуру и сроки. Сегодня она сразу посмотрела на часы.

— У меня до половины седьмого. Потом к маме. Успеем?

— Да. Проходите.

Елизавета села, положила телефон и маленький блокнот перед собой. На ней была серая льняная рубашка, на манжете — тёмный след от дождя. Таисия принесла воду, но она не стала пить.

— Сергей на работе. Я ему всё передам. Нам нужно окончательно понять, что у нас двадцатого июля.

— Дата у нас стоит. Всё подтверждено.

— Дата-то стоит. Я про людей.

Таисия взяла свой блокнот.

— Я снимаю фотографии, Роман видео. Как в договоре. Нина помогает со светом и организацией групп. До свадьбы ещё раз приезжаем на площадку.

Елизавета кивнула, но не записала.

— У вас ничего не изменилось?

Слишком много ответов пришло сразу. Студию продают. Они подали заявление. На прошлой свадьбе пропустили важный кадр. Её мать всё ещё привозит суп, будто голод был главной причиной неудачного брака. Таисия посмотрела на Елизавету и поняла, что та не спрашивает обо всём этом.

— Состав и объём вашей съёмки не изменились, — сказала она. — Если что-то потребуется менять, сначала согласуем с вами.

— Хорошо. Я просто видела, что вы перестали выкладывать новые работы.

— Последняя пара попросила пока не публиковать.

Это была правда, но не вся. Елизавета провела пальцем по краю блокнота.

— Мы уже один раз переносили свадьбу. Не из-за вас. Вы помните.

Таисия помнила: прошлой осенью у матери Елизаветы началось лечение, и торжество отложили. Про подробности они не спрашивали. В январе Елизавета вернулась к переписке и написала, что теперь можно выбирать дату. Таисия тогда обрадовалась за неё, по-настоящему, а не только за вернувшийся заказ.

— Сейчас всё хорошо? — спросила она.

— Сейчас можно планировать. Я так и говорю: можно планировать. Не хочу заранее называть это чем-то другим.

Она наконец открыла блокнот. Внутри были короткие пункты, несколько зачёркнутых строк. Елизавета хотела, чтобы мать не заставляли долго стоять, но и не снимали только сидящей. Чтобы не было просьб заплакать перед камерой. Чтобы в видео оставили её настоящий голос, даже если она собьётся. Чтобы родителям Сергея не предложили говорить тост повторно, потому что первый раз «не получилось красиво».

Таисия записывала. Некоторые просьбы совпадали с тем, что она сама думала после свадьбы Анны. От этого хотелось слишком быстро согласиться со всем и стать для Елизаветы человеком, который понимает без слов. Она удержалась и спросила о времени, о месте для отдыха матери, о том, какие кадры обязательны, а какие можно пропустить.

— Вот это мне и нужно, — сказала Елизавета, когда они дошли до расписания. — Чтобы не обещали невозможного.

Роман пришёл за двадцать минут до конца встречи. На рукаве у него были капли дождя, волосы потемнели у висков. Он извинился, сел рядом с Таисией и сразу улыбнулся Елизавете своей рабочей улыбкой, от которой у клиентов обычно опускались плечи.

— Всё обсудили без меня?

— Основное, — ответила Таисия. — По видео Лиза просит не повторять тосты и сохранить живые голоса.

— Конечно. Мы вообще за живое. У нас самих так было, без постановки.

Он сказал это легко, как говорил десятки раз. Таисия посмотрела на него. На их свадьбе постановка была. Они снимались в парке почти час, отец опоздал к застолью, потому что возил фотографа за запасной вспышкой, а она плакала в туалете из-за порванной застёжки на платье. Потом всё помнилось иначе. Роман выбирал хорошие кадры так же уверенно, как она, только делал это со всей жизнью.

Елизавета улыбнулась из вежливости.

— Мне не обязательно, чтобы было как у вас. Мне нужно, чтобы было как у нас.

Он сразу кивнул:

— Да, я понимаю.

Таисия промолчала. Она могла рассказать про их свадьбу и увидеть, как с лица Романа исчезнет улыбка. Совсем немного правды, ничего страшного. Но Елизавета уже смотрела на часы, и её полчаса не должны были уходить на чужое разоблачение.

После встречи Роман попросил показать записи. Таисия передала блокнот, пошла выливать воду из стаканов и услышала за спиной:

— Она напряжённая.

— У неё есть причины.

— Я не говорю, что нет. Просто с ней надо аккуратно.

Таисия вернулась к столу.

— Со всеми надо аккуратно.

Роман поднял глаза. Она услышала, как назидательно это прозвучало, и отвернулась. Ей не хотелось стать человеком, который на каждую фразу отвечает правильным правилом. Но рядом с ним простые слова всё чаще приходилось защищать, прежде чем произнести.

— Я с ней аккуратно, — сказал он. — Что я сделал не так?

Она взяла стакан, который забыла на столе.

— Не надо рассказывать о нас как о рекламе. Пожалуйста.

Роман некоторое время молчал.

— Я не думал, что ты это так услышишь.

— Теперь знаешь.

Он кивнул. Больше они в тот вечер не спорили. Роман переписал пожелания Елизаветы в рабочий файл, Таисия отправила ей итог встречи. Потом она вернулась домой, открыла их страницу и долго смотрела на закреплённую фотографию у окна.

В комментариях под ней была свежая запись: «Как приятно видеть людей, которые столько лет любят друг друга и помогают другим сохранить любовь». Таисия увидела её впервые. Не знала человека, написавшего это, и всё же почувствовала себя обманщицей перед ним. Потом разозлилась: почему именно она должна молчать, чтобы незнакомым людям было приятно?

Она открыла пустую заметку. Написала: «Мы с Романом разводимся». Прочла. Добавила: «Все эти годы я делала большую часть фотографий, которые вы видели под нашей общей фамилией». Потом исправила «большую часть» на «все фотографии в портфолио», остановилась и вернула прежнюю формулировку: несколько ранних снимков действительно были его.

Так начался текст, который она пока никому не отправила. Впервые за долгое время Таисия не старалась быть спокойной. Она писала о том, что он решал за неё, о том, как легко чужая уверенность становилась общим решением, о праве не выглядеть счастливой в тот день, когда нужно просто выполнить работу. Ей казалось, что стоит дописать — и наконец появится место, где её услышат до конца.

Глава 9. Не ваш фон

Утром написанное казалось чужим. Таисия читала заметку на кухне, пока остывала овсяная каша, и всё время хотела убрать очередное предложение. Не потому, что оно было неправдой. Потому, что рядом с ним стояло другое, и вместе они делали из Романа человека, которого она никогда не знала: уверенного, холодного, занявшего все хорошие места в их жизни и ни разу не подавшего ей руки.

Он подавал. Когда умерла её тётя, сам позвонил клиентам и перенёс встречу. Когда у неё зимой сломалась камера, отдал деньги, отложенные на собственную. Он возил отца в больницу в прошлом году, не делая из этого события. Всё это она помнила. Но стоило добавить хотя бы один такой эпизод в заметку, текст начинал оправдывать его так быстро, словно любое хорошее дело отменяло то, от чего она ушла.

Таисия закрыла заметку и открыла фотографии. На экране была Анна у окна, мать держала её руку. Несколько минут Таисия подбирала цвет, потом вернулась к тексту. Ей нужен был способ сказать о себе, не превратив жизнь в перечень доказательств. Пока способ не находился.

В полдень позвонила Катерина, которая прошлой зимой помогала им оформить рабочую страницу. Она не вела её постоянно, но иногда присылала идеи и брала оплату за отдельные съёмки и тексты. Таисия сама написала ей накануне: попросила посмотреть, как лучше объявить о раздельной работе.

— Я прочла, — сказала Катерина. — Ты хочешь рассказать личную историю или изменить запись?

Таисия стояла у окна с телефоном у уха. На подоконнике лежали три старых пробных отпечатка; от солнца они выцвели по краям.

— И то и другое.

— Тогда сейчас всё смешано. Человек дочитает и не поймёт, можно ли к вам записываться.

— К нам нельзя. Ко мне можно будет.

— Вот это понятно. А почему «можно будет»?

— Я ещё не знаю, где буду принимать людей.

Катерина помолчала.

— Тась, я могу помочь. Но мне нужны вещи, которые уже есть. Твоя работа, твои условия, твой голос. Не только то, что он сделал не так.

Таисия услышала в этом упрёк и сразу стала перечислять: фотографии её, обработка её, встречи чаще проводила она, ночами исправляла, пересчитывала, отправляла. Катерина не перебивала. Когда перечисление закончилось, спросила:

— Можно я не буду сейчас отвечать как подруга?

Они не были близкими подругами. Иногда пили кофе после съёмок, знали несколько личных подробностей друг о друге. Но в эту минуту Таисия хотела именно дружеского ответа, а не оплачиваемой точности.

— Можно.

— В тексте ты всё ещё рассказываешь о нём. Даже когда доказываешь, сколько делала ты.

Таисия села. От стула было холодно через тонкие брюки.

— И что мне делать?

— Не знаю за тебя. Можно отдельно сообщить о разрыве и отдельно показать, как ты теперь работаешь. У вас последняя свадьба когда?

— Двадцатого июля.

— Можно снять рабочий день. Не клиентов без спроса, конечно. Тебя. Как заканчивается совместная работа и начинается твоя. Но сначала реши, тебе это действительно нужно или ты хочешь, чтобы он прочёл и понял.

После звонка Таисия долго сидела в кухне. Ей не понравилась последняя фраза, потому что ответ был слишком близко. Да, она хотела, чтобы Роман прочёл. Чтобы прочёл не на бегу, не начал исправлять подробности, не сказал, что всё не совсем так. Чтобы люди, которых он уважал, тоже прочли и не позволили ему свести всё к её усталости.

К трём она всё же доехала до Катерины. Та работала дома и предложила встретиться в кафе внизу, потому что у неё через час начинался другой звонок. Таисия взяла ноутбук, но оставила на кухне кабель. Пришлось смотреть на телефонном экране, пока Катерина ела поздний обед и листала заметку одной рукой.

— Ты весь текст с собой привезла? — спросила она.

— Он здесь.

— Я не про файл. Ты хочешь, чтобы мы сейчас вместе его переделали?

Таисия раскрыла ноутбук и сразу закрыла. Батареи осталось мало. Катерина отложила вилку.

— У меня сорок минут. Я могу послушать тебя. Или можем пройти страницу: имя, услуги, запись. Вместе не успеем.

— Страницу.

Катерина вытерла пальцы салфеткой и спросила, какие фотографии Таисия хочет поставить первыми. Та открыла сохранённую подборку. Там были разрешённые старые серии, три портрета из отдельной съёмки, несколько деталей. В самом начале она поставила свадебный кадр, где в зеркале отражалась её собственная спина с камерой.

— Это зачем? — спросила Катерина.

— Чтобы было видно, что снимаю я.

— А на остальных не будет видно?

Таисия знала, что Катерина не издевается. Но желание захлопнуть телефон было почти таким же сильным, как дома после разговора с Романом.

— Мне всё время пишут «какие у Ромы фотографии». Он вообще на этих съёмках видео делал.

— Тогда подпишем работы. Не обязательно показывать собственную спину первым кадром.

За соседним столом ребёнок тянул ложку к чужому стакану. Мать осторожно убрала стакан, продолжая разговаривать с официанткой. Таисия смотрела на её руку, лишь бы не смотреть на Катерину.

— Ты сейчас слышишь то же самое, да? — спросила Катерина. — Что опять всё делаешь неправильно.

Таисия подняла глаза.

— Немного.

— Я про конкретный снимок. Он может остаться. Я спрашиваю, что ты хочешь им сказать.

Таисия вернула телефон к себе. На снимке невеста поправляла серьгу. В зеркале, кроме фотографа, было видно край кровати и мужчину в дверях. Хороший момент, который она сейчас выбирала ради маленькой тёмной фигуры в углу.

Она убрала кадр с первого места.

— Вот этот давай, — сказала и показала портрет пожилой женщины на крыльце. — Это отдельная съёмка. Она сама себе заказала на день рождения. Не дети подарили.

Катерина подвинулась ближе.

— Что она хотела?

— Красную кофту. Я предложила спокойнее, а она сказала, что спокойное уже носит каждый день. Мы снимали на даче. В городе она не захотела.

— А что ты ей дала?

— Снимки. Какие ещё ответы нужны?

Катерина не засмеялась. Она повернула экран, приблизила лицо.

— Здесь мне понятно, почему к тебе идти. Человек захотел красную кофту, и ты не сделала из неё бежевую. А в твоём тексте пока всё про то, кому не надо было идти к Роману.

Таисия провела пальцем по стеклу. Кофта была ярче, чем позволяла привычная обработка их свадебных серий. Она помнила, как оставила цвет и потом долго сомневалась. Клиентка заказала этот снимок большим, поставила в прихожей напротив двери. Разрешение показать портрет Таисия получила уже после выдачи, отдельным сообщением. Ни Романа, ни общего логотипа на этой работе не было.

— Я бы больше такого снимала, — сказала она.

— Напишем, что берёшь портреты?

— Беру. Но я и свадьбы не хочу бросать.

— Не бросай.

Катерина допила воду. На экране у неё всплыло напоминание. Они успели разобрать ещё три снимка. Один Таисия отложила, потому что не была уверена в границах прежнего разрешения; другой оставила в семейной серии, не на обложке. Под конец Катерина попросила прислать короткий список того, что готово уже сейчас, и не торопиться с объявлением, пока не будет понятен отдельный способ записи.

У выхода Таисия задержала её.

— А если я всё-таки хочу сказать про развод?

— Скажи. Только не заставляй страницу одновременно продавать съёмку и выносить решение о вашей жизни. Люди начнут заказывать себе роль свидетеля, а не фотографа.

— Ты так думаешь?

— Я думаю, тебе будут много писать. А я не смогу сидеть рядом и разбирать каждое сообщение.

Катерина посмотрела на время и пошла к своему подъезду. Таисия осталась на тротуаре с тяжёлым ноутбуком. Ей хотелось догнать и сказать, что она вовсе не собирается просить столько помощи. Вместо этого она перехватила сумку другой рукой и направилась к остановке.

По дороге открыла снятый ею портрет женщины в красной кофте. У женщины было настороженное лицо, губы плотно сомкнуты. Таисия помнила следующий кадр, где та уже смеялась, но на страницу вдруг захотелось поставить именно этот. Не нужно всё время выглядеть благополучной, чтобы иметь право быть увиденной. Эта мысль снова повернула её к собственному тексту.

Рабочий день показался ей выходом. В нём будут реальные дела, а не обвинения. Она сможет показать себя с камерой, дорогу, подготовку, вечернюю выдачу первых файлов. Последняя свадьба как точка окончания. Это выглядело честно. Она записала несколько мыслей и отправила Елизавете сообщение с просьбой созвониться.

Лиза перезвонила вечером. На заднем плане гремела посуда; Таисия услышала, как она попросила кого-то закрыть дверь.

— Что случилось?

— Ничего со свадьбой. Всё остаётся в силе. Я хотела обсудить одну дополнительную вещь, от которой вы можете отказаться.

Она произнесла это как обычное предложение услуги. Потом рассказала, что они с Романом заканчивают совместную работу, что двадцатого июля будет последняя свадьба их дуэта, что ей хотелось бы снять небольшой рассказ о профессии и переходе к самостоятельной записи. Без личных подробностей клиентов, без помех, только несколько рабочих моментов.

Лиза не отвечала так долго, что Таисия проверила связь.

— Вы меня слышите?

— Да. Вы разводитесь?

Таисия почувствовала, как меняется весь разговор. Она собиралась сказать о работе, а не о браке, хотя именно брак делал идею интересной.

— Да.

— И наша свадьба будет последней?

— Последней совместной съёмкой. Это не влияет на ваши материалы.

— Тась, я сейчас не про материалы.

Впервые Лиза назвала её так. В голосе не было ни близости, ни резкости — только усталость человека, которому опять принесли лишнее.

— Я не хочу, чтобы мой праздник был последней главой вашего брака. Даже если наших лиц почти не будет.

Таисия закрыла глаза.

— Я понимаю. Поэтому и спрашиваю заранее.

— Хорошо, что спрашиваете. Тогда нет. И пожалуйста, не надо потом объяснять людям, почему вы ничего не сняли про это. Не пишите, что невеста запретила. Я не запрещаю вам рассказывать о своей жизни. Я просто хочу, чтобы моя к этому не относилась.

— Я так не напишу.

Лиза выдохнула. За дверью кто-то позвал её, но она не отозвалась.

— Я вам сочувствую, правда. Только я не могу ещё и об этом думать. Вы оба будете работать?

— Да.

— И не будете выяснять отношения у нас?

Вопрос был унизительным именно своей разумностью. Таисия могла обидеться на него только в одиночестве, после звонка.

— Не будем. Я отвечаю за свою работу. Договорённости по вашей съёмке сохраняются. Завтра пришлю вам короткое подтверждение, без личного.

— Хорошо. Спасибо.

Таисия положила телефон и несколько минут не двигалась. Потом открыла черновик для Катерины и удалила из него весь абзац про последнюю свадьбу. От этого стало легче ненадолго. Она ещё не призналась себе, что именно хотела получить от чужого счастливого дня: доказательство, что умеет достойно уходить. Елизавета не обязана была выдавать ей такое доказательство вместе с остатком оплаты.

Роману она позвонила сама. Сказала, что сообщила Лизе о разводе, потому что предложила рабочую съёмку для своей будущей страницы. Он переспросил, какую ещё съёмку. Таисия объяснила, стараясь не выставить отказ Лизы чужой грубостью.

— Ты решила сделать из этого историю? — спросил он.

— Она уже есть.

— Я про публичную историю.

— Я пока ничего не опубликовала.

— Но клиентке рассказала.

— Да. И зря связала это с её свадьбой. Она отказала. Я приняла.

На другом конце было слышно, как он ходит по комнате. Роман всегда разговаривал стоя, если сердился.

— А мне ты собиралась сказать?

— Собиралась. Говорю сейчас.

Он коротко выдохнул, и Таисия услышала собственную фразу из студии: «Собирался сегодня». Она сжала телефон сильнее.

— Надо было сначала сказать тебе, — добавила она. — Именно про съёмку. Не спрашивать, можно ли мне разводиться вслух. А предупредить, что я предлагаю клиентам.

— Ты всегда так делаешь. Скажешь что-нибудь, а потом разделяешь, за что извинилась, за что нет.

— Потому что я не за всё извиняюсь.

Они замолчали. Таисия ждала, что он попросит ничего не писать до конца сезона. Роман, вероятно, ждал, что она сама это пообещает. Ни один не получил желаемого.

— Ладно, — сказал он наконец. — Подтверждение ей отправим вместе. Я тоже подпишусь.

— Хорошо.

После разговора Таисия вышла из дома. Не взяла камеру, только ключи и телефон. Дошла до небольшого магазина, купила хлеб, который забыла несколько дней назад, и яблоки. Потом села на лавку во дворе, поставила пакет рядом и впервые за день позволила себе плакать. Тихо, не пряча лицо в ладонях. Мимо прошла женщина с собакой, отвела взгляд. Таисия была ей благодарна за это невмешательство.

Дома она убрала продукты, открыла заметку и дописала одну фразу: «Я не хочу больше быть половиной семейного объяснения моей работы». Фраза была тяжёлой и некрасивой. Она оставила её до утра. Пока это был её собственный текст, который никто не обязан был ни одобрять, ни утешать.

Глава 10. Свободная дата

Письмо пришло на общий адрес в девять утра. Таисия открыла его, думая, что это замечания к договору Елизаветы. Вместо этого увидела короткое: «Роман, добрый день! Аванс перевела, чек прикрепляю. Очень рады, что успели забронировать вас обоих. Ксения».

Она прочла ещё раз. Внизу была дата свадьбы — четырнадцатое июня следующего года. В чеке стояло сорок тысяч рублей.

На несколько секунд Таисия перестала понимать, какое сейчас время. За окном шёл обычный июнь, на столе лежала флешка Анны, до регистрации развода оставался неполный месяц. А где-то уже существовала следующая свадьба, на которой она снова стояла рядом с мужем, потому что он сказал другим людям: да, мы свободны.

Она открыла переписку. Первое письмо было написано в марте, когда они ещё жили вместе. Ксения спрашивала цены и присылала адрес площадки. Тогда Таисия сама ответила, что запись на следующий сезон ещё не открыта. Дальше шли два письма Романа за последнюю неделю. Он отправил старый общий пакет, назвал стоимость, согласовал предоплату. В договоре, приложенном к последнему письму, её имя стояло рядом с его. Её подписи не было; Роман написал, что окончательно оформят при встрече.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.